

вызвано усилением произвола в обществе и особенно сильно – в армии. Нетерпимая атмосфера, создаваемая правительством после подаваемых императором надежд на реформы, вызвала со стороны образованных и честных офицеров сначала пассивный, а затем и активный протест. К причинам вольномыслия Семевский относит высокий образовательный ценз декабристов, влияние Западной Европы и выбранного ими круга чтения, знакомство с западными конституциями и увлечение модным тогда масонским движением. Немаловажным обстоятельством являлось и изучение декабристами русской истории и важных проблем противостояния монархической Москвы и республиканского Новгорода. К сожалению, В.И. Семевский оставил без внимания такую важную составляющую движения декабристов, как экономика, и не обратил должного, на наш взгляд, внимания на программу

экономических преобразований декабристов, не проследил эволюцию их взглядов в последовавший после декабрьского восстания период.

Подводя итоги сказанному, отметим, что пребывание декабристов в Сибири в дореволюционной историографии не получило должного освещения. В данной статье сделана попытка выявить и проанализировать историографический материал по истории предпринимательства декабристов, их отношения к такого рода деятельности, по взаимоотношениям с деловыми кругами Сибири. В целом можно говорить о положительных результатах деятельности декабристов в области предпринимательства, но сфера их интересов была ограничена, как ныне говорят, мелким бизнесом, а возможности были невелики в связи с общими неблагоприятными для развития капиталистических отношений условиями.

Литература

1. Оболенский Е.П. Воспоминания о 1826 и 1827 годах князя Евгения Петровича Оболенского // Мемуары декабристов. Северное общество. М., 1981.
2. Оболенский Е.П. Воспоминания об Иване Дмитриевиче Якушкине // Мемуары декабристов. Северное общество. М., 1981.
3. Штейнгель В.И. Сибирские сатрапы (Письмо барона В.И. Штейнгеля к А.П. Ермолову) // Исторический вестник. 1884. № 8.
4. Бумаги И.Б. Пестеля // Русский архив. 1875.
5. Завалишин Д.И. Записки декабриста. СПб., 1906.
6. Басаргин Н.В. Записки // Мемуары декабристов. Южное общество. М., 1982.
7. Белоголовый Н.А. Воспоминания и другие статьи. Изд. 3-е. М., 1898.
8. Письмо И.В. Киреева к Е.П. Оболенскому // Государственный исторический музей. Отдел письменных источников. Ф. 343. Д. 84/5.
9. Сборник памяти А.П. Философовой. СПб., 1906. Т.1.
10. Гершензон М. Декабрист Кривцов и его братья. М., 1914.
11. Дмитриев-Мамонов А.И. Декабристы в Западной Сибири. Исторический очерк по официальным документам. СПб., 1905.
12. Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909.

Л.А. Гаман

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ Г.П. ФЕДОТОВЫМ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

Томский государственный университет

Русский историк, религиозный мыслитель Г.П. Федотов, творческая индивидуальность которого раскрылась в годы пребывания в эмиграции (1925–1951 гг.), может быть по праву отнесен к числу наиболее значительных представителей отечественной культуры XX в. Его творчество, равно как педагогическая и общественная деятельность, играли заметную роль в русском зарубежье. Об этом свидетельствовал, например, Ф.А. Степун, в своих воспоминаниях указывавший на «ту крупную роль, которую он (Федотов – Л.Г.)... сыграл в судьбах и

творчестве русской эмиграции» [1, с. 304]. Теоретическое наследие Федотова, стержнем которого является российская проблематика, отличается глубиной и богатством идей. Высокая профессиональная компетентность как историка, большая эрудиция и литературное мастерство делают его творчество актуальным и в настоящее время. Особенный интерес идейное наследие Федотова вызывает в свете современного историографического кризиса, отмеченного поисками путей модернизации исторической науки [2]. Антропологические и культу-

рологические подходы к истории, использование полидисциплинарных технологий в ходе изучения модернизационных процессов – эти и другие актуальные проблемы современной историографии с разной степенью выраженности присутствуют в историко-философских построениях русского мыслителя.

Широкое применение разнообразных исследовательских стратегий позволило Федотову осуществить глубокий историко-философский анализ отечественной истории, в том числе советского ее периода. Последний как раз и являлся объектом особого внимания мыслителя: именно советская история стала тем фокусом, через который преломился российский исторический процесс в его разных временных модальностях. Внимательное отношение Федотова к чрезвычайно сложным процессам в Советской России, вызванным к жизни русской революцией, стремление к объективному, всестороннему их анализу позволяют рассматривать его произведения в качестве ценного исторического источника, требующего углубленного изучения. Это тем более важно, что до настоящего времени многие аспекты его историко-философской концепции не получили должного освещения в исследовательской литературе.

Творческое наследие мыслителя долгое время оставалось практически неизвестным в России: основной причиной тому явились, конечно, идеологические перекосы советского времени. Лишь в начале 1990 гг. его произведения начали публиковаться на родине. Тогда же начали появляться первые работы, посвященные творчеству Федотова – сначала переводные, а затем и принадлежащие перу отечественных исследователей. К числу наиболее объективных исследований теоретических представлений мыслителя и особенностей его мировоззрения относятся небольшие по объему, но содержательные очерки его современников Ф. Степуна [1] и М. Вишняка [3]. В отечественной историографии взвешенные подходы к творчеству Федотова содержатся в статьях А. Меня [4] и В. Бойкова [5]. Большой интерес представляет отдельная глава в монографии О. Ивониной, посвященная исследованию представлений Федотова о направленности всемирно-исторического процесса [6]. Некоторые теоретические положения Федотова о советской истории проанализированы в нашей статье [7]. Несмотря на рост интереса к историко-теоретическим взглядам русского мыслителя, едва ли в настоящее время можно говорить об их всесторонней изученности. Так, в частности, без специального внимания исследователей осталась проблема русской революции, занимавшая ключевое положение в концепции советской истории Федотова. В свете вышесказанного представляется возможным в рамках

данной статьи уделить специальное внимание ее более детальному освещению.

Версия русской революции, предложенная Федотовым, явилась результатом конкретизации его исходной теоретической посылки, согласно которой интерпретация исторических событий с необходимостью должна охватывать «национальное содержание... культуры» [8, с. 268]. Следуя своей логике, ученый пришел к выводу о научной перспективности интерпретации русской революции в контексте национальной традиции: «Революция должна расширить свое содержание, вобрать в себя максимум ценностей, созданных национальной историей» [8, с. 268]. Кстати, конструированием этого методологического приема Федотов косвенно подчеркнул важнейшую социальную функцию исторической науки – ее предназначение вносить свой решающий вклад в формирование национального сознания. Обращаясь к изучению представлений ученого о революции, следует учитывать специфичность его толкования самого термина «революция». Он писал: «... революция – термин, малопригодный для характеристики исторических движений. Революция, переворот, разрыв, ломка – механические термины, которые в применении к органическим процессам означают ненормальное, болезненное состояние, угрожающее смертью. Революции приемлемы лишь как частичные болезненные явления, заживляемые здоровыми силами социального организма. Заживляемые – но не всегда...» [9, с. 214]. Очевидно, в силу такого своего понимания революции мыслитель отказался от ее интерпретации лишь как факта, жестко локализованного во времени. Конечно, он стремился учитывать при ее анализе расстановку общественно-политических сил, включая позицию народных масс, накануне и непосредственно в ее ходе, при этом уделяя приоритетное внимание особенностям сознания участников этой исторической драмы. Обозначил он и ключевые различия между Февралем и Октябрем, «политическими символами России», как двумя вехами единого революционного процесса. Он писал: «Исторически они... входят ... в этот грандиозный процесс (русской революции. – Л.Г.) как его моменты» [10, с. 133]. Подобный подход Федотова для многих современников едва ли представлялся объективным [11].

В качестве историка Федотов, кроме того, не мог оставить без своего внимания предпосылки русской революции, причем для аргументации своих выводов он совершал достаточно отдаленные, нередко рискованные, экскурсы в историю. Этот прием согласовывался с его глубоким убеждением в том, что исторические события обретают особое звучание в случае, если «будущее сомкнется с прошлым в живую цепь» [8, с. 45]. Тем самым ученый

выражал собственное отношение к русской революции как к диалектическому моменту в сложном по своей природе российском историческом процессе. Важно подчеркнуть, что признание сложности отечественной истории являлось одним из постулатов, определявшим тот основной фон, на котором мыслитель рассматривал конкретные ее события. Он писал в связи с этим: «Русская история – трагическая вещь. Не было времени, когда бы она катилась по гладким дорогам, не сворачивая в ухабы и трясину» [8, с. 231]. Стремление мыслителя к объективности и взвешенности оценок в интерпретации революции, отношение к которой до настоящего времени отличается большой эмоциональной окрашенностью, определялось и его восприятием истории как трагедии. «Будем остерегаться двух ошибок: чрезмерно идеализировать прошлое – и рисовать его сплошь в черном свете. В прошлом, как и в настоящем, шла извечная борьба добрых и темных сил, правды и кривды, но, как и в настоящем, слабость, малодушие преобладали и над добром, и над злом», – писал он [12, с. 6].

Наряду с восприятием революции как факта, имеющего строгую хронологическую определенность, обусловленного вполне конкретными предпосылками, Федотов одновременно усматривал в революции событие, пролонгированное на неопределенное время. Так, в 1948 г. он писал: «Торжествующей «великой» революции история еще не знала. Будущее русской революции еще не известно... Тридцать лет для России еще слишком ограниченный отрезок времени, чтобы судить о конце» [9, с. 198–199]. В целях адекватной интерпретации взглядов Федотова следует учитывать характерное для него представление о структурной неоднородности пореволюционных процессов в Советской России в разные периоды ее развития. Оно базировалось на констатации им факта контрреволюционного переворота, осуществленного Сталиным на рубеже 1929–1930 гг. [8, с. 229], обусловившего, как он полагал, фашистское перерождение революции [9, с. 202]. На основе этих наблюдений Федотов пришел к выводу о неизбежности тоталитарного исхода любой революции, тем более в условиях современного мира. Еще одним выводом Федотова явилось теоретическое положение о неизбежности формирования и кристаллизации новых элит как основном назначении революции [10, с. 95]. Применительно к Советской России подобные процессы, полагал Федотов, отличались неорганическим характером, обусловленным, прежде всего, спецификой режима личной власти Сталина. Этот и подобные ему выводы, конечно, серьезно расходились с его первоначальными представлениями о революции.

Интерпретация революции как разворачивающегося во времени события позволяла Федотову

отслеживать ее трансформации и соответственно корректировать свои оценки в связи с текущим ее состоянием. По существу, все оттенки неоднозначных оценок мыслителем советской реальности в разные ее периоды коррелировались им с таким непрестанным разворачиванием революции. Иначе говоря, исследуя революцию в комплексе с ее многоплановыми последствиями, он одновременно исследовал советскую реальность и ее исторические перспективы. Для уяснения ведущей тональности представлений Федотова о революции существенным является еще одно обстоятельство. Речь идет о признании им – уже в апреле 1918 г. – всемирно-исторического значения русской революции. Причем оно увязывалось с судьбами социализма в мире. Рассматривая социализм, в первую очередь как наиболее оптимальную форму организации труда, Федотов одновременно присоединил к такому пониманию религиозно-этический компонент. Он писал: «... в социализме живет вечная правда, всего смысла которого он еще сам не постигает. Человечество должно воплотить в жизнь свое умопостижимое братство» [8, с. 40–41]. Подобная версия социализма, конечно, в корне отличалась от того его варианта, что утвердился в Советской России.

Деформирование социалистической идеи в Советской России не убедило мыслителя в ее несостоятельности как таковой. Полагая, что пришло время актуализации «социального Евангелия», он искал подтверждения своей позиции в выявлении социальных потенциалов христианства как в исторической ретроспективе, так и перспективе. Их раскрытие, согласно его убеждению, служило бы оправданием революции при одновременной нейтрализации негативных ее последствий. Как православный мыслитель, особое значение в решении этого вопроса он придавал православию. Он подчеркивал: «Социальное начало глубоко укоренено в православии. Но благодаря несчастной исторической судьбе православные народы отвыкли от социального понимания христианства. Религиозный индивидуализм сделался даже традицией последних поколений...» [13, с. 272]. Очевидно, тем не менее, что именно с этой характеристикой православия было обусловлено приобретение социалистической идеей конвенционального характера в революционной России. В этом случае мыслитель коснулся проблемы существования глубокой внутренней связи «социального реформизма и даже революционизма с национальной идеей», которая, в свою очередь, незримо связана с идеей религиозной. Позднее Федотов писал: «В России не раздался ни один голос в защиту частной собственности. Конфискация всей промышленности была воспринята не одними большевиками как акт почти нормальный и, во всяком случае, справедливый. Социализм, который никак

не укладывается в американскую голову, без труда был принят в России, а не только вкочлен насилем» [9, с. 308–309]. Примечательно, что связанные с будущим устройством страны проекты, конструируемые Федотовым, принципиально исключали возможность тотальной денационализации различных отраслей экономики. Он писал: «Именно как принцип ее (денационализацию. – Л.Г.) не допускает русское народное сознание» [8, с. 236–237].

Рассматривая русскую революцию в широком историческом контексте, Федотов указывал на необходимость приобщения пореволюционной России к православной культуре, что выступало для него основным условием «подлинно национального творчества» [10, с. 101]. Федотов не случайно настаивал на этом. Длительное время, вплоть до сталинской «контрреволюции», он не сомневался в существовании преобразующей функции революции. Особенно благоприятные условия для ее реализации, согласно его логике, предоставляли некоторые ментальные особенности русского народа. Так, «социальный революционаризм», отразившийся отчасти в философии социального титанизма, уберегавший некоторое время, по мысли Федотова, большинство советских людей от мещанства в европейском смысле этого слова, связывался им с выраженным эсхатологическим компонентом в национальном сознании русского народа.

Русская революция как центральный факт отечественной истории XX в. стала предметом целенаправленного исследования Федотова в годы его жизни в эмиграции. Внутреннее единство работ мыслителя, посвященных этой проблеме, осуществлялось через раскрытие в них центральной для него темы, а именно уклонения империи от главного для нее просветительского предназначения. «В просвещении был весь смысл Империи как новой формы власти», – писал он [8, с. 130]. В этом историческом задании мыслитель усматривал конкретизацию метаисторического призвания России в рамках определенного исторического периода ее развития. По мере ослабления в сознании элиты российского общества, прежде всего монархии, представлений о предназначении империи, полагал Федотов, неизбежность революции в России становилась все более очевидной. Он предложил гипотезу, в рамках которой подлинной ее причиной как раз и рассматривался затяжной кризис самодержавной власти, обусловленный этим обстоятельством, растянувшийся без малого на полтора столетия. Теоретическое положение о кризисе власти, спровоцировавшем системный кризис российского общества, при приоритетном внимании к духовно-культурным его составляющим, является ведущим в концепции русской революции Федотова. Его представление о серьезности затяжного кризиса власти

в России, как основной причине революции, оттенялось его суждениями относительно значения Первой мировой войны в комплексе ее причин. Он писал: «Можно, конечно, думать, что рок войны, непосильной для России, все равно обрекал на гибель работу ее творческих сил. Но и без войны было ясно, что вся эта работа парализуется и отравляется в самом сердце страны» [8, с. 172].

В методологическом аспекте основой для аргументации мыслителем своей теоретической позиции являлась, как следует из анализа его работ, творческая рецепция идей М. Вебера. Как представляется, она закрепила традиционное внимание Федотова, характерное для него как для представителя русской религиозной мысли, к социально-культурной и духовной проблематике. Если относительно приоритетных для Федотова проблем уместно говорить лишь о частичном влиянии Вебера, то в части собственно методологического инструментария обнаруживаются некоторые прямые заимствования. Речь идет, прежде всего, о творческом применении русским автором веберовской логической конструкции «идеального типа» к изучению российского исторического процесса, что отчетливо просматривается уже в таких его статьях, как «Три столицы» (1926), «Трагедия интеллигенции» (1926), «Революция идет» (1929). На страницах этих и других работ автор скрупулезно проанализировал особенности сознания всех категорий населения России, в разной степени ответственных за революцию в стране, акцентируя при этом свое внимание на причинах, способствовавших его трансформациям. Лишь подобный исследовательский подход, полагал Федотов, мог приблизить к пониманию не только предпосылок, но и самого характера революции и вызванных ею последствий. Он писал: «Революция была кризисом русского сознания в еще большей мере, чем кризисом государства» [8, с. 348]. Конечно, это совсем не означало игнорирования им иных характеристик русской революции, главной из которых он считал ее социальную направленность, как по основным предпосылкам («неизжитое в России крепостное право»), так и по последствиям. В 1930 г. Федотов отмечал: «Ни в чем так не выразилась грандиозность русской революции, как в произведенных ею социальных сдвигах» [8, с. 197].

Размышления над русской революцией, охватившей широкие слои населения, привели Федотова к выводу о ее соответствии выработанному в отечественной истории ритму народных движений. Конкретизируя свою мысль, он писал: «1917–1918 гг. были временем великого (в смысле грандиозности) народного бунта, одного из тех, которые отмечали с постоянным ритмом каждое столетие московско-петербургской неволи» [9, с. 307–310].

Устойчивая повторяемость народных движений была интерпретирована Федотовым в качестве одной из форм катарсиса, специфического очищения народной души от накопленных эмоций. Он писал: «Бунт есть необходимый политический катарсис для московского самодержавия, исток застоявшихся, неподдающихся дисциплинированию сил и страстей» [10, с. 285–286]. Позднее мыслитель отчасти именно с таким импульсивным по преимуществу характером революционности широких народных масс связывал их почти безропотное приятие нового неравенства в сталинскую эпоху. «Что сильнее в душе народной: вековая инерция покорности, обездушенная с утратой вековой веры, или новое, свободное самосознание, выкованное революцией и ныне во имя революции разрушаемое», – вопрошал он в статье 1931 года [8, с. 229–230]. Не связывая взрыв народного гнева с деятельностью какой бы то ни было политической партии в стране, он в то же время с сожалением указывал на то, что большевикам удалось использовать в своих интересах фактор всенародности революции.

Важной составляющей концепции революции Федотова являлась его интерпретация политической победы большевиков. Изначально ориентированная на государственную диктатуру партия Ленина имела некоторые преимущества по сравнению с другими российскими политическими партиями и течениями. В условиях ослабления всех государственных устоев, полагал Федотов, ни одна из конкурирующих партий не нашла в себе достаточной воли к овладению властью. Мыслитель писал: «Ленин взял – в сущности, поднял – валявшуюся на земле власть государства Российского» [10, с. 15]. Победе большевистской партии, полагал Федотов, способствовал и избранный ею стиль с характерным для него утилитарным отношением к морали. Он писал: «Осенью, как и весной, массы дали увлечь себя вождям, с которыми, в сущности, они не имели ничего общего и которые пытались использовать энергию стихийного обвала для своей политической работы. Люди Октября в этом успели потому, что в своем безграничном имморализме открыли все шлюзы низким страстям. Февралисты говорили о жертвах, о долге, о родине и свободе; октябристы – о прекращении войны, о грабежах, о классовой мести» [10, с. 134].

Опыт манипулирования человеческими страстями, полагал Федотов, оказался продолженным в советское время. Это ярче всего воплотилось в механизме управления коммунистической партии, что явилось основным деморализующим фактором в Советской России. Он писал: «Система держится не на взаимном уважении, а на взаимном недоверии и страхе» [10, с. 36]. В самом ее духе, полагал мыслитель, отразилась демоническая природа

большевизма. Одним из подтверждений этого для Федотова выступала характерная для членов партии и их приверженцев лексика, отличающаяся негативной семантикой. Так, одним из слов-фаворитов в ее составе, согласно его наблюдениям, выступало слово «злость», либо его эквиваленты [9, с. 94]. Постулат о духе большевизма как «небытийственном, очищенном от всего человеческого» по своей природе, предназначенном для разрушения жизни, определял основную тональность размышлений Федотова о нем как о духовном явлении. В этом блоке размышлений Федотова представляется существенным разграничение им большевизма как духовного явления и большевиков как носителей его деструктивного духа. Он писал: «Русские большевики – люди, и не всегда худшие из людей: отношение к ним как к бесам отвратительно и религиозно недопустимо» [10, с. 39]. Вместе с тем мыслитель не ограничивался «демоническим» аспектом большевизма, уделяя значительно больше внимания ему как явлению историческому, вызванному к жизни самой российской действительностью.

Несколько неожиданным представляется утверждение Федотова об объективно-адекватной тактике большевиков в конкретно-исторических условиях революции, отягощенных войной, способствовавшей сохранению российской государственности. Этим своим выводом Федотов присоединился к некоторым другим представителям русской религиозной мысли, например, Н.А. Бердяеву и Л.П. Карсавину, также признававших эту заслугу победившей в революции партии. «Смотря на вещи объективно двадцать лет спустя, видишь, что другого исхода не было; что при стихийности и страшной силе обвала русской государственности Февраль мог бы совладать с разрушениями при одном условии: если бы он во всем поступал как Октябрь», – писал он в 1937 г. [10, с. 134].

Одним из факторов, способствовавших победе большевиков, мыслитель считал и «социальное оскудение Европы», обусловленное не только непосредственной практикой западных правительств, но и уклонением христианской Церкви от своей социальной функции. Кризисное состояние Европы, согласно логике Федотова, исключало любые внешние препятствия для реализации большевистского опыта. В ином контексте, по его мнению, едва ли страна победившей революции обрела бы высокий престиж в глазах международной общественности, устойчиво сохранявшийся в первые десятилетия революции.

В работах Федотова пристальное внимание уделено и проблеме разноплановых последствий русской революции, неоднозначно оцениваемых им. Примечательно, что в одной из своих статей Федо-

тов даже предложил специфическую схему «благодеяний» и «преступлений» большевиков перед Россией [10, с. 25–28]. В рамках данной статьи представляется возможным ограничиться освещением лишь ее некоторых непосредственных результатов, развернувшихся в полном объеме уже в советский период отечественной истории. Существенным для понимания их оценок Федотовым является его принципиально позитивное отношение к падению российской монархии как формы власти. Любые проекты реставрации династии Романовых представлялись ему бесперспективными. Сожаление Федотова вызывало лишь то, что власть в стране в конечном счете оказалась в руках радикальной большевистской партии, сектантской по своему историческому происхождению и стилю выражения, мало готовой к конструктивной деятельности в интересах нации как единого соборного организма. Это обстоятельство предопределило, по его мнению, многие разрушительные для России последствия. Однако Федотов не склонен был связывать все негативные аспекты революции исключительно с контрпродуктивной политикой большевиков.

Свое значение имели и другие факторы, сложно влиявшие на ход революции, ее итоги, на самый ее характер. В их число Федотов включал, например, показательное для традиции российского освободительного движения недостаточное внимание к проблеме свободы, обусловившее ее подчиненное положение в системе его ценностей. Это оказалось тем более опасным в условиях России, имевшей устойчивую традицию деспотической власти. В статьях позднего периода творчества он особенно подчеркивал, что длительное время доминировавшая в России традиция деспотизма явилась благоприятной почвой для распространения большевизма. Он писал: «Вероятно, было нечто в традициях Великой России, что питало большевизм в большей мере, чем остальная почва Империи: крепостное право, деревенская община, самодержавие» [10, с. 324]. Большевики, полагал Федотов, опираясь на традиции российского деспотизма, довели до предела ущемление свободы в западном ее понимании в пореволюционный период. Яркое выраженное стремление большевизма к полному огосударствлению личности рассматривалось Федотовым как основное препятствие для дальнейшего развития позитивных достижений революции.

Победе большевиков и поддержке их политики, особенно на первых порах, способствовала изоморфность ряда их характеристик исконным свойствам русского народа. Например, «простота». «Эта русская простота имеет много оттенков – не всегда она благая, иногда и разрушительная» [13, с. 294]. В российском коммуникационном пространстве она, в частности, могла проявляться в отторжении

жеста и позы как искусственных компонентов коммуникации. Федотов писал: «Революция обнажила тот психологический склад в народной душе, который определяется «простотой» как высшим критерием ценности. Все мы знаем этот чисто русский критерий в применении к искусству, к этике... Ни один герой не выдержал бы русской усмешки... Русская революция органически не способна дать Наполеона» [8, с. 262].

Наиболее опасной для России оказалась разрушительность, прежде всего культурная, революции. Конечно, решающую роль в этом сыграла попустительская политика большевиков. Однако едва ли она привела бы к таким результатам в органическом по своей природе социально-культурном контексте. Федотов полагал, что размах деструктивных тенденций был обусловлен так и не преодоленным к моменту революции культурным дуализмом в России. Одним из преломлений этого явилось опасное отсутствие в идейном багаже победившей партии национальных ценностей. «Здесь все было ей (революции. – Л.Г.) чужим, и все подлежало гибели. Предстояло планомерно выкорчевать вековой лес и заменить его новой пролетарской культурой» [8, с. 213]. Вместе с тем Федотов указал на то, что большевизм отнюдь не сразу обнажил свою подлинную антикультурную сущность, дошедшую при Сталине до культурного вандализма. Он, например, писал: «Характерно, что беспощадное разрушение церкви и старины началось уже тогда, когда ушел в могилу или тюрьму первый интеллигентский строй сподвижников Ленина: все эти Луначарские, Каменевы, Троцкие..., которые не остались чужды культуре XX века». В разрушительных процессах играли свою роль и некоторые особенности массовой психологии. Так, инерция революционной героики, уместной во время революции, нередко оправдывавшей проявления девиантного поведения, препятствовала адаптации непосредственных ее участников к обыденной действительности.

В комплексе проблем, связанных с революцией, одной из наиболее острых являлась проблема ее поддержки представителями творческих профессий в стране, в первую очередь, художниками и поэтами. Следует оговориться, что Федотова не интересовали те из них, которые искали в революции прагматические выгоды: таковые сыграли свою негативную роль в формировании атмосферы имморализма на верхах советского общества. Подлинную загадку представляли лишь те творческие личности, нередко подлинно талантливые, которые были, по красноречивому выражению другого русского автора Ф.А. Степуна, заморожены «мировой музыкой крушения старого мира». Конечно, большинство из них вскоре постигло горькое разочарование. Тем не менее остается историческим фак-

том, подчеркивал он, кратковременный период в истории русской революции, отмеченный интеллектуально-духовным восторгом перед ней ряда чутких представителей той сложной, апокалиптической по своему духу эпохе. Этот факт дополнял установившийся в пореволюционной России на непродолжительный период политический плюрализм, сохранявшийся некоторое время и после победы большевиков, о чем свидетельствовал как сам Федотов, так и более непримиримые противники советского государства. Это еще более усложняло общую панораму пореволюционной России.

Итак, Федотов предложил собственную интерпретацию русской революции, ее предпосылок и

последствий. Как следует из его работ, революция 1917 г. в России содержала в себе самые разнонаправленные тенденции, часть которых, по его мнению, не противоречила общей линии ее исторического развития как в негативных, так и в позитивных проявлениях. Подлинную трагедию революции мыслитель усматривал как раз в постепенной утрате ею творческого потенциала и собственных позитивных завоеваний, основной груз ответственности за что возлагался им на большевиков. Именно они, настаивал Федотов, «размотали, спустив по ветру не только капиталы старого режима (в чем их обвиняет реакция), но и капитал самой революции» [10, с. 28].

Литература

1. Степун Ф.А. Федотов Г.П. // Портреты. СПб., 1999.
2. Репина Л.П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 5.
3. Вишняк М.В. Современные записки: Воспоминания редактора. СПб.; Дюссельдорф, 1993.
4. Мень А. Федотов Г.П. // <http://www.vehi.net/men/fedotov2.html#-frnref1>.
5. Бойков В.Ф. Судьба и грехи России (философско-историческая публицистика Г.П. Федотова) // Федотов Г.П. Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры / В 2-х т. СПб., 1991. Т. 1.
6. Иволина О.И. Время свободы. Проблема направленности истории в христианской исторической мысли России XIX – середины XX вв. Новосибирск, 2000.
7. Гаман Л.А. Советская история в изображении Г.П. Федотова: к постановке вопроса // Известия Томского политехнического университета. Томск, 2005. Т. 308. № 3.
8. Федотов Г.П. Судьба и грехи России / Избранные статьи по философии русской истории и культуры / В 2-х т. СПб., 1991. Т. 1.
9. Федотов Г.П. Собрание сочинений в 12 т. Т. 9. Статьи американского периода / Прим. С.С. Бычков. М., 2004.
10. Федотов Г.П. Судьба и грехи России / Избранные статьи по философии русской истории и культуры / В 2-х т. СПб., 1991. Т.2.
11. Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М., 1991.
12. Федотов Г.П. Собрание сочинений в 12 т. Т. 3: Святой Филипп, митрополит Московский. Приложение: Житие и подвиги Филиппа, митрополита Московского и всея Руси / Сост., прим., перевод С.С. Бычков. М., 2000.
13. Федотов Г.П. Статьи 1920–30 гг. из журналов «Путь», «Православная мысль» и «Вестник РХСД» / Прим. С.С.Бычков. М., 1998.

Л.И. Снегирёва

ИСТОЧНИКИ ПО ПРОБЛЕМЕ: ПОМОЩЬ СИБИРЯКОВ ОСВОБОЖДЕННЫМ РАЙОНАМ СТРАНЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Томский государственный педагогический университет

Победа в Великой Отечественной войне, достигнутая ценой многих жертв и неисчислимых страданий, навсегда останется в памяти народа. В контексте важнейших событий XX в. она занимает особое место как чрезвычайно яркое и в высшей степени убедительное подтверждение неодолимости народа, борющегося за свободу и независимость. Значительный вклад в священное дело Победы внесли сибиряки.

В связи с оккупацией фашистами огромной территории страны Западная Сибирь приняла из при-

фронтовых областей 244 промышленных эвакуированных предприятий, десятки учебных и научных институтов, школ фабрично-заводского обучения и ремесленных училищ, театров, различных учреждений и организаций [1, с. 54] и более млн. человек населения. Здесь был создан мощный бастион оборонной промышленности и надежная житница страны.

По мере освобождения советской территории от врага и развертывания на ней восстановительных работ сибиряки вместе со всей страной активно участвовали в этом процессе.